

А.А. БЫСТРОВ
КОНЦЕПЦИЯ СЕМЬИ:
МАРКСИЗМ И СОВЕТСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

БЫСТРОВ Андрей Анатольевич - кандидат культурологии, преподаватель Поволжской академии государственной службы.

Изучая посвященную брачно-семейным отношениям литературу советского периода, нетрудно заметить то обстоятельство, что советским ученым в разное время удавалось подкреплять ссылками на основоположников марксизма апологию прямо противоположных действий государства в отношении института семьи. Такая "гибкость" официальной научной мысли была обусловлена тем, что с некоторых пор в исследо-

ваниях советских ученых укоренилась точка зрения, согласно которой конкретного замысла в отношении брака и семьи при коммунизме у классиков марксизма вовсе не было.

Так, например, А.Г. Харчев (1964, 1979) неоднократно заявлял, что "ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс никогда не претендовали на то, чтобы предрешать вопрос о том, как конкретно будут складываться при коммунизме отношения между мужчиной и женщиной, родителями и детьми" [1, с. 311; 2, с. 352]. В дальнейшем эта традиция была продолжена В.Я. Кострюковым (1979), К. Витеком и М.С. Мацковским (1988), С.И. Голодом (1999). Неудивительно, что до сего дня систематического изложения концепции основоположников марксизма по вопросу брака и семьи ни в отечественных, ни в зарубежных исследованиях представлено не было.

Между тем, идея К. Маркса и Ф. Энгельса по данному вопросу ясно выражена в написанной незадолго до "Манифеста Коммунистической партии" работе Ф. Энгельса "Принципы коммунизма":

"21-й вопрос: Какое влияние окажет коммунистический общественный строй на семью? Ответ: Отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которые обществу нет нужды вмешиваться. Это возможно благодаря устранению частной собственности и общественному воспитанию детей, вследствие чего уничтожаются обе основы современного брака, связанные с частной собственностью. - зависимость жены от мужа и детей от родителей..." [3, с. 336-337].

Поскольку нет частной собственности, то семья при коммунизме в понимании К. Маркса и Ф. Энгельса не является хозяйственной единицей, объединяющей супругов, но только местом эмоционального и сексуального удовлетворения. В семье, где муж и жена не зависят друг от друга материально, вполне уместен принцип равноправия супругов, о котором писал Ф. Энгельс [4, с. 294: 5, с. 84]. Поскольку члены семьи не зависят друг от друга, то проблемы регулирования со стороны общества именно брачно-семейных отношений попросту не существует.

Кстати, Ф. Энгельс по отношению к существующей в то время семье наряду с термином "частная собственность" употреблял и использованный нами термин "хозяйственная единица". Например, в его известном произведении "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884) читаем: "...Первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному!,' производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества" [5, с. 77]. "С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда" [5, с. 78]. "... Мы уже у него (у Ш. Фурье. - А. Б.) находим глубокое понимание того, что во всех несовершенных, раздираемых противоречиями общества отдельные семьи являются хозяйственными единицами" [5, с. 177]. Похожий термин употреблял и К. Каутский, который исходил из того, что при коммунизме "семья и брак перестают быть экономическими институтами".

Таким образом, с одной стороны, коммунистическая семья, по мысли К. Маркса и Ф. Энгельса, в принципе не является хозяйственной единицей. И в этом ее радикальное отличие от семьи буржуазной, которая при коммунистическом общественном строе должна быть уничтожена, как об этом писали классики марксизма: "Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов" [6, с. 443]. Советский историк и публицист В. Быстрянский еще в 1921 г. писал, что в данном случае речь идет об уничтожении не семьи вообще, но именно семьи буржуазной, поскольку это поясняет следующее предложение: "На чем основана современная буржуазная семья?" [7, с. 4].

С другой стороны, семья будущего, о которой говорили К. Маркс и Ф. Энгельс, вовсе не предназначена для воспитания потомков в смысле ответственности за воспитание. "Воспитание, - как заметил А.С. Макаренко, - есть процесс социальный в самом широком смысле. Воспитывает все: люди, вещи, явления...". Но ответственность за воспитание подрастающего поколения при коммунистическом общественном строе

лежит не на семье, в которой дети независимы от родителей и поэтому родители не имеют достаточных средств для воспитания детей, а на обществе. Классики марксизма, описывая общество будущего, говорят не о сочетании семейного и общественного воспитания, а о замене домашнего воспитания общественным [6, с. 443], или вовсе не упоминают о семейном воспитании, но говорят только об общественном. Разумеется, что воспитание детей неотделимо от ведения хозяйства. Поэтому если "частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда", то и "уход за детьми и их воспитание станут общественным делом" [5, с. 78].

Более подробно тезис о замене семейного воспитания общественным раскрыт в "Проекте коммунистического символа веры", который представлял собой программный документ, обсуждавшийся на первом конгрессе Союза коммунистов в Лондоне 2-9 июня 1847 года:

"Вопрос 18. Как вы намерены осуществить это (то есть обеспечить пролетариату средства существования после установления демократии. - А.Б.)?"

-I. [...] II. [...]. III. Путем воспитания всех детей на государственный счет.

Вопрос 19. Как вы организуете это воспитание в переходный (от современного состояния к общности имущества. — А.Б.) период?

- Все дети с того момента, когда они могут обходиться без материнского ухода, будут воспитываться и обучаться в государственных учреждениях" [8, с. 359].

О предположительной длительности обучения детей в государственном учреждении можно судить по следующим словам К. Маркса: "При разумном общественном строе каждый ребенок с девятилетнего возраста должен стать производительным (курсив наш. - А.Б.) работником так же, как и каждый трудоспособный взрослый человек должен подчиняться общему закону природы, а именно: чтобы есть, он должен работать, и работать не только головой, но и руками" [9, с. 197].

Рассмотренные положения об устранении частной собственности, ставящей членов семьи в зависимость друг от друга, и об общественном воспитании детей представляются принципиальными для понимания обоснованности заявления о том, что отношения полов при коммунистическом общественном строе "станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которые обществу нет нужды вмешиваться". Другими словами, хотят ли мужчина и женщина заключать брак только на один вечер или они хотят жить не разлучаясь сто лет подряд, общество этому не препятствует. Данное положение принципиально отличает коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса от общественного строя на Острове Утопия Т. Мора и от Города Солнца Т. Кампанеллы, поскольку и в том, и в другом случае отношения между полами подвергаются тщательному регулированию со стороны властей.

Исходное положение Т. Мора таково: "Если же не удерживать людей от случайного ("беспорядочного" в переводе А.И. Малеина. - А.Б.) сожительства, то в супружестве редко укореняется любовь, а ведь надобно всю жизнь провести с одним человеком и, сверх того, придется переносить все тяготы, которые это с собою несет" [10, с. 81]. Поэтому, во-первых, на Острове Утопия применяются весьма действенные санкции, направленные против супружеских измен: "осквернителей брака наказывают тяжелейшим рабством [...]. Второе (подобное. - А.Б.) преступление карается уже смертью" [10, с. 83]. Кроме того, "если мужчина или женщина до супружества будут соединены тайной страстью ("уличены в тайном прелюбодеянии" в переводе А.И. Малеина. - А.Б.), его и ее тяжело наказывают. Таким вообще запрещается супружество, если только правитель милостью своей не отпустит им вину" [10, с. 81]. Во-вторых, весьма затруднен развод: "... Если нравы супругов недостаточно ("подходят друг к другу" в переводе А.И. Малеина. - А.Б.) схожи между собой, то, после того как обе стороны найдут себе тех, с кем надеются прожить слаще, иногда бывает, что они по обоюдной воле расстаются и вступают в новый брак. Однако не без согласия сената, который не допускает разводов до того, как члены его совместно со своими женами не разберут дела со всей тщательностью. Да и тогда нелегко. Оттого, что утопийцы знают, что [...] легкая надежда на новый брак менее всего полезна для укрепления супружеской любви" [10, с. 82-83]. Таким образом, для автора "Утопии" супружеская лю-

бовь представляет собой непреходящую ценность, однако, по своей значимости уступает место постоянству в браке.

В отличие от Т. Мора для основоположников марксизма наивысшей ценностью в браке является свободная любовь. Поскольку "нравственным признается только брак, основанный на любви, то он и остается таковым, только пока любовь продолжает существовать". "Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, — замечает Ф. Энгельс. — и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса" [5. с. 84-85]. В том же духе, руководствуясь теми же ценностями, писал немецкий общественный деятель, поборник эмансипации женщин А. Бебель: "Неудавшийся брак не становится лучше оттого, что супругов несмотря на внутреннее отчуждение и взаимное отвращение заставляют оставаться вместе. Подобное положение вещей, подкрепленное законом, совершенно безнравственно" [11. с. 164].

Однако, при анализе модели брачно-семейных отношений в коммунистическом обществе, о котором мечтали К. Маркс и Ф. Энгельс, необходимо иметь в виду, что их мечты относятся к определенному периоду их жизни, и было время, когда, например, К. Маркс по вопросу о наилучшем взаимодействии общества и семьи имел совершенно другие взгляды по сравнению с рассмотренными выше. Ярким примером несовместимых с "Принципами коммунизма" (1847) взглядов К. Маркса является его статья "Проект закона о разводе" (1842), в которой он напористо критикует противников обсуждаемого на страницах "Rheinische Zeitung" проекта, которые "всегда говорят о несчастном положении супругов, связанных друг с другом против своей воли" и "думают только о двух индивидах и забывают про семью". "Они забывают. — пишет К. Маркс, — что почти всякое расторжение брака есть расторжение семьи и что даже с чисто юридической точки зрения положение детей и их имущества не может быть поставлено в зависимость от произвольного усмотрения родителей, от того, как им заблагорассудится [...]. Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак..." [12. с. 162].

Но главная цель статьи двадцатичетырехлетнего Маркса — это подвинуть законодателя на ужесточение закона о разводе. Красной нитью от начала и до конца статьи проходит мысль о необходимости затруднить развод; "Rheinische Zeitung" [...] считает [...] бесчисленность и фривольность действующих и в настоящее время оснований для развода — недопустимыми" [12. С. 161]. "Законодатель [...] выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений. Мы должны были бы бросить упрек законодателю в безграничном произволе, если бы он подменил сущность дела своими выдумками" [12. с. 162]. "Мягкость по отношению к желаниям индивидов превратилась бы в жестокость по отношению к тому, что составляет сущность этих индивидов..." [12. с. 164]. И, наконец, Маркс завершает свои рассуждения мыслью о том, что Рейнская провинция "с гордостью причисляет себя" к странам "со строгими законами о разводе" [12, с. 164].

Речь в данной статье идет не о коммунистической семье, а о буржуазной, которая при коммунистическом общественном строе должна быть уничтожена. Использование подобных наставлений молодого Маркса как аксиом марксизма о браке и семье свидетельствует либо о преднамеренном обмане, прикрытом именем великого Маркса, либо о невежественности и невнимательности к содержащемуся в предисловии к первому тому предостережению: "Произведения Маркса, включенные в настоящий том, раскрывают процесс формирования его взглядов в тот период, когда, по словам В. И. Ленина, "Маркс только еще становился Марксом, то есть основателем социализма, как науки, основателем современного материализма...". Как бы там ни было, такие известные советские ученые, как Н.Г. Юркевич (1959), А.Г. Харчев (1964, 1970, 1979) [1; 21, с. 12; 2, с. 50], Н.Д. Шимин (1964, 1989) [13, с. 9, 11; 14, с. 25, 161], Н.Я.Соловьев (1970, 1981), В.С. Тадевосян (1972), Ю.А. Королев (1978), С.В. Ковалев (1987),

М.А. Махмудов (1990) и другие, в том случае, когда речь заходила о заключении брака и разводе, о прочности брачных уз, использовали ставшие знаменитыми отрывки из "Проекта закона о разводе".

Результатом подобных попыток советских исследователей совместить несовместимое была фальсификация идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о браке и семье при коммунистическом общественном строе. Неверная методологическая установка либо не позволяла ученым упоминать в своих исследованиях "Принципы коммунизма" - работу, название которой говорит само за себя, либо обуславливала истолкование ключевых положений классиков марксизма о браке и семье вне контекста.

Автору удалось найти только три варианта истолкования рассмотренного выше отрывка "Принципов коммунизма". Во-первых, приводим комментарий доктора исторических наук, публициста В. Быстрянского (1921): "Его (коммунизма. - А.Б.) победа предполагает полное отмирание государства, исчезновение всяких внешних принудительных норм, регулирующих до сих пор отношения людей друг к другу, - естественно отпадут и все декреты, которые в переходный период устанавливались пролетарским государством в области брачно-семейных отношений. Но Энгельс говорит тут больше. - он предвидит наступление поры, когда не только государство [...], но и общество совершенно устраняется от вмешательства "в чисто частные отношения, касающиеся только участвующих в них лиц" [7. с. 7-8]. Такое истолкование рассматривает возможность невмешательства общества в отношения полов в логическом отрыве от предпосылок, упомянутых самим Ф. Энгельсом. Слова "это возможно благодаря" или в приведенном В. Быстрянским переводе "Он может это сделать, так как" оказываются попросту неуместными.

Во-вторых, приводим истолкование В. Светлова (1939) вне контекста уже непопулярных слов "Принципов коммунизма": "Когда Энгельс говорит, что при коммунизме "отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которые общество не может вмешиваться", он имеет в виду не независимость личных семейных интересов от интересов общественных, а лишь самостоятельность женщины, ее право выбора мужа без принуждения, ее право на свободный развод, отсутствие рабской зависимости жены от мужа и детей от родителей" [15, с. 108]. Совершенно не принимая во внимание слова Ф. Энгельса о "длительности чувства индивидуальной половой любви", являющейся единственным нравственным основанием брака, и о его "вытеснении новой страстной любовью", В. Светлов с осуждением писал: "Находятся, правда, еще немногие люди, которые склонны расторгать брак из-за случайного нового увлечения. С такими людьми и советское государство и общественность круто поступают, отбивая у них всякую охоту ломать жизнь другого человека..." [15, с. 106]. Ясно, что для апологии описанных порядков были более уместны рассуждения Т. Мора о разводе, нежели в корне отличные от них взгляды классиков марксизма.

Вариант А.Г. Харчева по сути повторял трактовку В. Светлова: "Эта мысль означает отрицание не социальной значимости данных отношений, а какого-либо социального принуждения или ограничения в выборе брачного партнера. Данный выбор становится "частным делом, касающимся только заинтересованных лиц", уже при социализме, коммунизм продолжает и развивает эту тенденцию, обеспечивая и полную в истории свободу брака" [1. с. 310; 2, с. 352]. Неверная методологическая установка ученого в рассмотрении отношений между полами при коммунизме, о котором писали основоположники марксизма, как "самого прочного и последовательного единобрачия" не позволяла исследователю, по его собственному признанию, уточнить, как Ф. Энгельс понимал общественное воспитание детей, а значит вела к истолкованию "Принципов коммунизма" вне контекста.

В-третьих, Н.Д. Шимин (1964) писал: "Спрашивается, отрицал ли Энгельс роль общественного долга в любви и семье? Нет, не отрицал. Такой вывод вовсе не вытекает из приведенного положения (слов Ф. Энгельса, приведенных вне контекста. - А.Б.). Дело в том, что чувство долга в семейно-брачных отношениях может и не предпола-

гать контроля со стороны общества, поскольку "заинтересованные лица", имея коммунистическую сознательность и внутреннюю убежденность, будут сознательно и добровольно, без принуждения извне, соблюдать супружескую верность, иметь детей и нести моральную ответственность за их воспитание" [13. с. 24]. Ясно, что подобная интерпретация так же, как и в вышеприведенных случаях не согласуется с замыслом Ф. Энгельса, Но кроме того, Н.Д. Шимин как и Н.Я. Соловьев (1962) использует следующую подтасовку: вспоминая слова Ф. Энгельса из письма Луизе Каутской о ее муже Карле, приводит их в урезанном виде, допускающем неоднозначное толкование. Приведем полностью слова из письма классика: "Вы говорите о Карле: без любви, без страсти его натура гибнет. Если эта натура проявляется в том, что каждую пару лет требует новой любви, то он сам ведь должен будет признать, что при нынешних условиях (курсив наш. - А.Б.) или такую натуру следует обуздать, или она запутает его и других в бесконечных трагических конфликтах" [16. с. 87].

Признание свободы любви как высшей ценности в области брачно-семейных отношений отличает коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса и от Города Солнца Т. Кампанеллы, который так же, как и Платон, отвергал естественный отбор в отношениях между мужчиной и женщиной и в целях улучшения человеческой породы ставил личные отношения мужчины и женщины под контроль общества в лице начальников. При этом методы улучшения потомства у Платона и Кампанеллы различны. Платон с помощью подстроенных жеребьевок последовательно проводит в жизнь идею искусственного отбора: "потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших - нет", "раз наше стадо должно быть самым отборным" [17, с. 211].

Идея же Кампанеллы заключается не в отборе, а в наилучшем с точки зрения начальников сочетании. Причем автор "Города Солнца" сознательно отвергает хитрые советы Платона: "... Соляриям нет надобности прибегать к такой хитрости, чтобы безобразным мужчинам доставались и женщины безобразные, ибо среди них безобразия не встречается (в переводе А.Г. Генкеля "у них вообще нет некрасивых". - А.Б.) так как у женщин благодаря их занятиям образуется и здоровый цвет кожи, и тело развивается, и они делаются статными и живыми: а красота почитается у них в стройности, живости и бодрости" [18, с. 58]. На основании последней фразы можно заключить, что хотя, по мысли Т. Кампанеллы, все жители Города Солнца красивы, но среди них есть все-таки более красивые. А это значит, что есть варианты, и есть личное предпочтение, то есть любовь.

И именно об этом пишет Т. Кампанелла дальше: "... Если кто-нибудь страстно влюбляется в женщину, то влюбленные могут и разговаривать и шутить, и дарить друг другу венки из цветов и листьев, и подносить стихи. Однако, если это может быть опасно для потомства, совокупление им ни в коем случае не разрешается, кроме того случая, что женщина беременна (чего и ждет мужчина) или же она неплодна" [18, с. 59]. То есть в том случае, когда девушка или женщина, способная к деторождению, любит мужчину, "неподходящего" для производства потомства с точки зрения начальников общества, то путь к соединению с любимым человеком лежит для нее через соединение с нелюбимым. Поэтому можно согласиться с А.Г. Генкелем: "Кампанелла договаривается в своем увлечении идеей оздоровления потомства до того, что и беременным при случае предоставляют должность временных проституток...", но только с небольшой поправкой: не "беременным", а "способным к деторождению", потому что ни о какой регламентации совокуплений "с неплодными, или с беременными, или с презренными женщинами" Т. Кампанелла не пишет.

У Платона такого тупика в отношениях мужчины и женщины, для развития которых предполагается один единственный выход в виде проституции со стороны женщины, вовсе нет. Платон вполне допускает случай, когда "кто из мужчин, еще производящих потомство, коснется женщины пусть и брачного возраста, но без разрешения правителя на их союз". В этом случае "мы скажем, что такой мужчина преподнес государству незаконнорожденного ребенка, так как не было обручения и освящения".

Ожидаемое поведение родителей в отношении младенца таково: "пусть распорядятся с ним так, чтобы его не пришлось выращивать" [17. с. 213].

У Платона так же как и у Кампанеллы основанием соединения мужчины и женщины отнюдь не всегда выступает индивидуальная половая любовь. Хотя в своих построениях они не ставят знака равенства между общностью жен и обязанностью женщины отдаваться первому встречному, как это делает, например, Аристофан в своей комедии "Женщины в народном собрании", но сама жеребьевка в "Государстве" и определение начальниками в "Городе Солнца", какие мужчины и женщины "более подходят друг к другу", предполагают возможность отсутствия индивидуальной половой любви.

Против такого коммунизма, отвергающего личность человека, выступил уже переживший внутренний переворот К. Маркс (1844): "... Эта идея общности жен выдает тайну этого еще совершенно грубого и неосмысленного коммунизма. Подобно тому, как женщина переходит тут от брака ко всеобщей проституции, так и весь мир богатства, то есть предметной сущности человека, переходит от исключительного брака с частным собственником к универсальной проституции со всем обществом. Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь последовательное выражение частной собственности, являющейся этим отрицанием" [19. с. 114].

Проведенный выше краткий анализ негативных моментов, связанных с учением об общности жен, представляется важным для понимания "Проекта коммунистического символа веры" (1847):

"Вопрос 20. Не будет ли вместе с введением общности имущества одновременно провозглашена общность жен?"

- Никким образом. В личные отношения между мужем и женой, как в дела семьи вообще, мы будем вторгаться лишь в той мере, в какой сохранение существующих форм стало бы препятствовать новому общественному строю" [8. с. 359].

Другими словами, общество вторгается в личные отношения между мужем и женой только тогда, когда один из них нарушает принцип свободы любви и, не считаясь с желанием другого, удерживает его около себя. Разумеется, такое "вторжение" в корне отличалось от того, которое было во времена К. Маркса и Ф. Энгельса, свидетельством которому может служить и рассмотренный выше "Проект закона о разводе". А к чему такое "вторжение" могло привести? - Ответ ясен: к беспорядочному половому сожителству, не регулируемоу руководителями общества. В более изящной форме эта же мысль выражена в продолжении ответа Ф. Энгельса: "Впрочем, нам очень хорошо известно, что в ходе истории семейные отношения претерпевали изменения в зависимости от отношений собственности и периодов развития, и поэтому уничтожение частной собственности окажет и на них весьма значительное влияние" [8, с. 359].

Более подробно вопрос о направленности в трансформации моногамных отношений Ф. Энгельс освещает в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" (1884): "... Как только отпадут экономические соображения [...] от моногамии, безусловно, отпадут те характерные черты, которые ей навязаны ее возникновением из отношений собственности, а именно, во-первых, господство мужчины и, во-вторых, нерасторжимость брака" [5, с. 84]. Говоря современным языком, упразднение нерасторжимости брака превращает моногамию в последовательную полигамию.

На вопрос же о том, как долго будет длиться моногамный союз будущего, существовали две противоположные точки зрения, каждая из которых имела свою аргументацию. Так Ш. Фурье считал: "Во всех прочих союзах человек требует себе свободы действия и домогается возможно большей широты связей [...]. Между тем как в делах любви и брака нас втискивают в самые тесные рамки. Предоставьте любовь ее естественному влечению, предоставьте ее самой себе, - и она найдет свои границы! И тогда окажется, что всякий мужчина будет иметь столько же жен, сколько было их у мудрого Соломона, что и женщина, в свою очередь, не захочет стеснять себя в выборе мужчин. Эта множественность в любви настолько естественна, что даже дряхлый султан не ограничивается одной женой. В будущем строе никто не будет считать такую свободу в отношениях любви противоестественной...". Иначе рассуждал английский поэт Перси Биши Шелли: "Я твердо убежден, что уничтожение брака привело

бы к установлению правильных и согласных с природой отношений между полами. Этим я вовсе не хочу сказать, что эти отношения часто будут меняться: напротив того, из отношений родителей к детям можно заключить, что связи этого рода вообще были бы очень продолжительными и отличались бы от прежних большим великодушием и самоотвержением".

В отличие от подобных мыслителей Ф. Энгельс считал, что "это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщин за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий". И как бы предупреждая бессмысленность любых споров конкретно по этому вопросу. Ф. Энгельс продолжал: "Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать: они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности. - и точка" [5, с. 85].

В своем непротиворечивом с точки зрения властных отношений построении коммунистической семьи классикам марксизма удалось весьма последовательно провести принцип свободы любви. Этот принцип является ключевым и лежит в основании их идеи о браке и семье.

Для его воплощения необходимо устранение частной собственности, ставящей членов семьи в зависимость друг от друга. Исходя из этого, принцип равноправия между супругами в семье при коммунизме, представленном К. Марксом и Ф. Энгельсом, предполагает отсутствие ответственности супругов перед обществом за свою семейную жизнь, а принцип замены семейного воспитания общественным - отсутствие ответственности перед обществом родителей за воспитание детей. В результате члены семьи не являются субъектами властных отношений, что автоматически исключает противоречия семьи как объекта властных отношений. Только в этом случае семья не нуждается в опеке со стороны общества.

Идея основоположников марксизма о характере взаимодействия общества и семьи при коммунистическом общественном строе нашла множество сторонников. Например. А. Бебель писал: "Удовлетворение половой потребности - такое же личное дело каждого гражданина, как удовлетворение всякой другой естественной потребности. Никто не должен отдавать отчет другому, и не призванный не должен сюда вмешиваться. Точно так же, как то, как я ем, как я пью, как я сплю и как я одеваюсь, есть мое личное дело, так и мое общение с лицом другого пола тоже есть мое личное дело" [11. с. 547].

В противоположном случае, когда участники семейной жизни не свободны, но зависят друг от друга и являются субъектами властных отношений, вследствие чего члены семьи несут ответственность перед обществом за свою семейную жизнь, вмешательство общества в дела семьи является жизненно необходимым. Таким образом, нужда семьи в опеке со стороны общества, с одной стороны, является признаком того, что любовь между полами не свободна: с другой - свидетельствует о несоответствии рассматриваемого общественного строя коммунизму, представленному основоположниками марксизма.

Именно о такой нужде, кстати, писал Н.Д. Шимин (1989): "Полностью необходимость вмешательства общества в дела семьи не отпадет и в будущем. Чрезмерная идеализация жизни семьи при коммунизме, которая встречается в литературе, на наш взгляд, необоснованна. Ссылка на авторитет А. Бебеля здесь не помогает, ибо он был неправ, когда утверждал, что при коммунизме семья из институциональной организации превратится в моральный союз мужа и жены и станет исключительно сферой личной жизни людей, в которую общество не будет вмешиваться" [14. с. 76]. Проведенный анализ позволяет понять исходную предпосылку несоответствия подобных взглядов советских исследователей семьи о характере взаимодействия общества и семьи при коммунизме исходному положению классиков марксизма. Такой предпосылкой является разное понимание терми-

на "свобода любви". К. Маркс и Ф. Энгельс вовсе не связывали термин "любовь" в контексте коммунистического общественного строя с понятием "ответственность". В исследованиях советских ученых, напротив, "любовь" и "ответственность" неразрывны: "В основе семьи лежит социальная ответственность, любовь же - если это настоящее, глубокое чувство, а не его иллюзия или имитация - должна совпадать с этой ответственностью, как бы растворяться в ней..." [20, с. 302]. Развивает мысль А.Г. Харчев: "... Место любви в отношениях между полами часто занимают ее иллюзии или имитация [...]. Брак [...] должен основываться на любви, любовь же и тем более ее вечный спутник, а лучше сказать, ее второе Я - ответственность возникают лишь на основе такого уровня духовного развития личности мужчины и женщины, который при существующей системе нравственного и эстетического воспитания молодежи многими ее представителями далеко еще не достигнут" [21, с. 146]. Такая подмена терминов мало того, что превращает любовь в нечто недосыгаемое для большинства людей, но кроме того размывает понятие ответственности, четко определенное, например, в патриархальной семье.

Использование советскими исследователями семьи наставлений молодого, еще не пережившего духовный переворот К. Маркса, в частности, его работы "Проект закона о разводе" (1842), как аксиом марксизма о браке и семье является ошибочным. Результатом подобных попыток советских ученых совместить несовместимое является фальсификация непротиворечивой идеи К. Маркса и Ф. Энгельса по вопросу брака и семьи при коммунизме. Исходная предпосылка неверного истолкования данной мысли классиков марксизма заключается в смешивании понятий "любовь" и "социальная ответственность", не соответствующем представлению К. Маркса и Ф. Энгельса о свободе любви.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964.
2. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979.
3. Энгельс Ф. Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 322-339.
4. Энгельс Ф. Гертруде Гильом-Шак // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 36. М.: Госполитиздат, 1964. С. 293-294.
5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 23-178.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд. 2-е. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 419-459.
7. Быстрянский В. Коммунизм, брак и семья. Петербург: Гос. Изд-во, 1921.
8. Энгельс Ф. Проект коммунистического символа веры // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 354-360.
9. Маркс К. Инструкция делегатам временного центрального совета по отдельным вопросам // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960. С. 194-203.
10. Мор Т. Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия мужа известнейшего и красноречивейшего Томаса Мора, гражданина и шерифа славного города Лондона / Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М.: Ладомир. 1998.
11. Бебель А. Женщина и социализм / М.: Госполитиздат, 1959.
12. Маркс К. Проект закона о разводе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1954. С. 161-164.
13. Шимин Н.Д. Семья, брак, быт. М.: Политиздат, 1964.
14. Шимин Н.Д. Семья как общественное явление: Опыт социально-философского анализа. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.
15. Светлов В. Брак и семья при капитализме и социализме. М.: Соцэкгиз, 1939.
16. Энгельс Ф. Луизе Каутской // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 37. М.: Госполитиздат, 1965. С. 86-87.
17. Платон. Государство. Законы. Политик. М.: Мысль, 1998.
18. Кампанелла Т. Город Солнца / Пер. с латин. и коммент. Ф.А. Петровского: Вступит, ст. В. П. Волгина. М.-Л.: Изд-во АН СССР. 1947.
19. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч, Изд. 2-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41-174.
20. Ю.П. Коваленко, Н.И. Щипанов, Р.Г. Яновский. Социология / Г.В. Осипов (руководитель авт. кол.). М.: Мысль, 1990.
21. Харчев А.Г. Социология воспитания (о некоторых актуальных социальных проблемах воспитания личности). М.: Политиздат, 1990.